

пункт был включен и в советско-иранский договор 1921 г., аннулированный Тегераном только после распада СССР.

Гюлистанский договор юридически оформил присоединение к России Дагестана и Северного Азербайджана. Он имел исключительное значение не только для России, но и народов Кавказа, особенно Дагестана. Подготовленное всем ходом российско-дагестанских отношений и зафиксированное трактатом вхождение Дагестана в состав России было наиболее перспективным путем для выхода из того тяжелого и застойного положения, в котором пребывали народы Дагестана. По существу, это был переломный этап в их исторической судьбе.

Литература источники

1. Российской государственной военно-исторический архив. Ф. 846. Д. 6164. Ч. 23.
2. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. - М.: Наука, 1988. - 358 с.
3. Дагестан в кавказской политике России от георгиевского договора до Гюлистанского трактата (1802–1813 гг.) // Гюлистанский мирный договор 1813 г.: основные итоги и последствия для судеб народов Кавказа. Сборник материалов Международной конференции. - Махачкала, 2014. - С. 217-223.
4. Полное собрание законов Российской империи. - СПб., 1830. Т. 32 (1812-1815).

References and Sources

1. Rossijskoj gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv. F. 846. D. 6164. Ch. 23.
2. Russko-dagestanskije otnosheniya v XVIII – nachale XIX v. Sbornik dokumentov. - M.: Nauka, 1988. - 358 s.
3. Dagestan v kavkazskoj politike Rossii ot georgievskogo dogovora do Gyulistanskogo traktata (1802–1813 gg.) // Gyulistanskij mirnyj dogovor 1813 g.: osnovnye itogi i posledstviya dlya sudeb narodov Kavkaza. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj konferencii. - Mahachkala, 2014. - S. 217-223.
4. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. - SPb., 1830. T. 32 (1812-1815).

МАГОМЕДОВ НАЗИМ АБДУРАХМАНОВИЧ - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН (magomedov@mail.ru).

MAGOMEDOV, NAZIM A. - Doctor of History, Professor, Chief Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (magomedov@mail.ru).

УДК 94(47).07:346.12«180/182»

DOI: 10.24412/2308-264X-2023-6-42-46

ОВСЯННИКОВ Д.В.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД ЧЕЧЕНЦЕВ АУХА НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ (НАЧАЛО XIX ВЕКА)

Ключевые слова: хозяйственный уклад, чеченцы, горцы, Аух, Кавказ, Российская империя.

В статье на основании широкого круга источников исследуется проблема экономического развития восточных чеченских обществ в первой половине XIX века. Хозяйственный уклад горцев Ауха и сопутствующие ему закономерности своеобразных общественных процессов у чеченцев в данный период требуют всестороннего научного анализа. Показан транзитный характер исследуемой территории, оказывавший воздействие на экономику и социальные характеристики местного социума. Делается вывод о специфических чертах хозяйства и промыслов, которые отличали ауховцев от других чеченских обществ и вовлеченности в процессы продуктообмена с соседним Дагестаном на фоне прихода в регион Российской империи.

OVSJANNIKOV, D.V.

SOCIAL AND ECONOMIC WAY OF THE AUKH CHECHENS ON THE EVE OF JOINING RUSSIA (EARLY 19TH CENTURY)

Key words: economic structure, Chechens, highlanders, Aukh, Caucasus, Russian Empire.

The article, based on a wide range of sources, examines the problem of economic development of eastern Chechen societies in the first half of the 19th century. The economic structure of the Aukh highlanders and the accompanying patterns of peculiar social processes among the Chechens in this period require scientific analysis. The transit nature of the study area is shown, which had an impact on the economy and social characteristics of the local society. A conclusion is drawn about the specific features of the economy and crafts that distinguished the Aukh people from other Chechen societies and their involvement in the processes of product exchange with neighboring Dagestan against the backdrop of the arrival of the Russian Empire in the region.

Общественные процессы и взаимоотношения соседних горских общин Северного Кавказа на локальном уровне получили отрывочное освещение в источниках. Историкам приходится порой умозрительно достраивать и реконструировать события подобного рода из-за узкой источниковой базы. Особый интерес представляют районы, заселенные чеченцами по соседству с Дагестаном, а именно Ауховское общество.

Аух укладывается в оптику нашего анализа по причине своего транзитного характера территории: через ауховские земли проходили пути, связывающие Чечню с Дагестаном. Это обусловило быстрое развитие товарообмена и хозяйственную специализацию различных горских обществ. Также в этом регионе проявился особый накал социальной борьбы с приходом на Кавказ России. Еще в конце XVI века владетель Ауха («Окоцкой земли») Ших-мурза Ишеримов стал

оплотом прорусской партии на Северном Кавказе. В Терском городке даже была Окоцкая слобода, насельники которой жили с русскими в мире бок о бок [1, с. 75, 81, 271].

Спустя более чем два столетия ситуация в регионе существенно поменялась. Утверждение Российской империи на Северо-Восточном Кавказе после заключения Гюлистанского мирного договора в 1813 г. стало уже необратимым процессом. В 1830-40-х гг. в горском социуме произошел раскол, проявившийся в том, что часть ауховцев последовательно ориентировалась на Россию и считалась «мирной» [2, с. 334], в то время как другая часть ауховцев поддержала газават и присоединилась к движению под руководством имама Шамиля. Стоит также отметить, что формирование административно-территориальной структуры имамата при Шамиле началось, в том числе, и на землях Ауха, что позволяет считать их одним из оплотов мусульманской государственности, которую некоторое время небезуспешно выстраивал Шамиль. Специфика же хозяйственной жизни Ауха стала следствием как процесса переселения с гор на плоскость чеченцев, так и близости этих земель к соседним дагестанским обществам и владениям, а также их близости к русским укреплениям в регионе с неизбежной вовлеченностью ауховцев в военно-политические процессы в регионе.

К XIX веку Ауховское общество занимало важное стратегическое положение на Северо-Восточном Кавказе. В дореволюционной историографии Аух и ауховцы часто упоминались в связи с военными действиями в регионе. Чеченские селения Ауха располагались в предгорной зоне на стыке Дагестана и Чечни. Важным элементом ландшафта региона служит речная сеть, относящаяся к Сулакскому бассейну. Реки Ауха (Аксай, Акташ, Ярык-су, Яман-су) берут свое начало с гор Андийского хребта, в своих верховьях это типичные горные потоки, русло которых ограничивали обрывистые скалистые берега, однако уже на кумыкской плоскости эти реки терялись в болотах. Западнее Ауха находилась Ичкерия и другие чеченские земли, на востоке ауховцы соседствовали с чеченцами-качкалыковцами, Анди, Гумбетом, Салатау и засулакскими кумыками [3, с. 37].

Горцы Ауха основывали свои хутора и «кабаки» также и на обширном пространстве Терско-Сулакского междуречья, включая владения Засулакских бийликов (Эндирей и Аксай), вассальных от шамхала Тарковского [4, с. 243]. Однако степень зависимости ауховцев от кумыкских владетелей не стоит преувеличивать. Говорить о подданстве можно лишь с сугубо формальной стороны. В.А. Потто отмечал, что «ни один из князей кумыкских, по словам А.П. Ермолова, не смел выезжать, не будучи сопровождаем чеченцем» [5, с. 99].

Если кумыкские владетели нередко враждовали между собой, то чеченцы оказались более сплоченными в плане социальной и военной организации. Высокую роль в самоуправлении ауховцев играли как сельские старшины (*тхамда*), опиравшиеся на народные собрания, так и военные предводители (*баяччи*). Сохранились имена отдельных лидеров, относящиеся к концу XVIII в. (Абу-Тагир, Абду-Разак) [6, с. 64-65]. Дореволюционные исследователи подчеркивали, что, в связи с этим зависимость от кумыкских князей низводилась до формального уважения [7, с. 22].

Предгорная местность на востоке исторического ареала расселения чеченских племен отличалась в климатическом плане от более западных районов. Исследователи сравнивали климат Чечни с климатом средней полосы России, который относится к умеренно-континентальному со снежной, умеренно морозной зимой и тёплым, достаточно влажным летом. В то время как «в Аухе и особенно в Ичкерии климат суровее и зима продолжительнее», - писал А.П. Берже [8, с. 18-19]. Однако относительная суровость климата компенсировалась более здоровым его характером, так как отсутствовали болота – источники малярийных комаров, которые были распространены на Кумыкской плоскости.

Еще до прихода на Кавказ России по этим землям проходили пути, соединяющие весь Северный Кавказ, и пролегающие в том числе по равнинным чеченским территориям. Исследователи называют такие транспортные артерии как «Мичкизская дорога», «Османовская дорога» и «Османовский перевоз» в низовьях р. Сунжа, имевшие важное значение для развития как торгово-хозяйственных связей, так и военных контактов между народами Кавказа [9, с. 286; 10, с. 302]. Приводимые описания путей через Аух свидетельствуют о соответствии этих маршрутов торговым целям и надобностям набегов горских партий, но для русской военной машины, с артиллерией и обозом эти дороги были крайне труднопроходимы и увязнуть в них, порой, было

равноценно гибели. Таким образом, несмотря на расположение на стыке чеченских земель и Дагестана и объективные предпосылки для формирования транспортных коридоров через Аух, эти районы оставались труднодоступными для русских войск, что обусловило сложности покорения этого региона русскими войсками в первой половине XIX века.

В хозяйственном отношении ауховцы помимо земледелия, сосредоточенного на выращивании «пшеницы, ячменя, пшеница сорочинского, проса» занимались также скотоводством и сбором мёда. Последние сферы деятельности служили существенным подспорьем в районе рискованного земледелия. В 1765 г. русские чины в Кизляре, перечисляя производимые горцами продукты сельского хозяйства, отмечали, что «...в ауках и карабулаках мед, воск и все, что вышеписанное есть, а скота во всех оных местах, кои все российскими подданными счисляются, довольно имеетца» [11, с. 239-240]. Со второй половины XVIII в. чеченцы начали также активно сеять кукурузу. Современный исследователь З.Х. Ибрагимова высказывала предположение, «что уже в XVIII веке кукурузу сеяли почти повсюду на Чеченской равнине» [12, с. 421]. А ауховцы к 1860-м гг. сосредоточили свои земельные ресурсы исключительно на этой сельскохозяйственной культуре [13, с. 238]. Это привело к возможности прокормить большее число едоков в хозяйстве, следствием чего стал рост численности чеченских горцев и последующий спуск их на равнинные территории.

Землепользование у горцев Восточной Чечни отличалось сочетанием коллективных (патронимия – тайп) и подворовых (малая семья) форм собственности. О преемственности ауховцев с большинством горных тайпов свидетельствует тот факт, что у зандаковцев и ауховцев в коллективном пользовании находились горные пастбища, выгоны и леса, а пахотные земли состояли в собственности отдельных семей [13, с. 238]. Таким образом, отсутствие передельных (т.е. подлежащих регулярному переделу между членами общины в целях соблюдения равенства и справедливости) пахотных земель в Аухе фиксировало горскую традицию хуторского расселения, когда проблема передела земли с соседями не стояла в принципе.

Любопытная неточность была обнаружена нами в безусловно фундаментальной и значимой работе исследователя общественного и экономического уклада чеченцев Ф.В. Тотоева. Он отмечал, что природные условия в Чечне, благодаря наличию зимних и летних пастбищ (горные альпийские луга), позволяли иметь скотоводству отгонный характер, с сезонным перегонем скота на летние и зимние пастбища. Ссылаясь на А.П. Берже, Тотоев сообщает, «в летнее время стада и большая часть табунов обществ Малой Чечни паслись на травянистых горах ауховского общества» [14, с. 122]. Однако сам Берже, в указанной работе пишет следующее: «...в летнее время большая часть табунов и стада Малой Чечни пасутся на богатых травянистых горах этого общества, а в особенности около аула Ялхорой, где есть соляное озеро. Акинцы по образу жизни более пастухи, номады, чем воины» [8, с. 82]. То есть А.П. Берже говорил не об Аухе, а об обществе Акки, аулы которого располагались в верховьях р. Гехи, притока Сунжи. Стоит предположить, что невольная ошибка, путаница между Аухом и Акки, вкравшаяся в труд Ф.В. Тотоева, лишней раз свидетельствует о близости происхождения данных обществ. Так, версию о переселении части аккинцев на восточные земли Ауха передавал У. Лаудаев [7, с. 4].

Возвращаясь к проблеме отгонного скотоводства, стоит обратить внимание на то, что земли Терско-Сулакского междуречья, включая бассейны рек Аксай, Ярык-Су, Яман-Су, Акташ, оставались в XVI-XVII вв. основной кормовой базой кумыкского и ауховского населения, а также горцев из сопредельных районов Чечни и Дагестана [15, с. 6]. Причем ауховцы занимали лучшую часть Кумыкской плоскости с богатыми черноземами, лесными участками с обильными водными ресурсами. Здесь располагались такие аулы как Шир-Юрт (Ширч-Овх), Акташ-Аух, Кешен-Аух, Боной-Аул, Гачалкъа (Ярыксу-Аух), Бона-Юрт (Меши-Атага) и Минай-Тугай [16, с. 188].

Другой важной статьей дохода и предметом экспорта ауховцев был лес – «один из главных источников их благосостояния» [13, с. 238].

Среди ремесел в Аухе наибольшее развитие получило оружейное дело, изготовление огнестрельного оружия [17]. Его центрами являлись в XVIII-XIX вв. Старые Атаги, Аух, Белгатой, Дарго, Дойкар-Аул, Джугурта и др [18, с. 352; 19, с. 127-139].

Необходимо отметить, что знакомство с технологией производства огнестрельного оружия у чеченцев произошло не позднее XVI в. в связи с появлением на Кавказе турецких, крымских, персидских и русских образцов. В конечном счете, с XVIII в. в широкий обиход в регионе вошли

ИСТОРИЯ

чеченские ружья («нохчи топ»), которые имели нарезки и являлись орудиями дульного заряжания [20, с. 238]. Офицер русской службы А.М. Буцковский в 1812 г. писал, что чеченцы Ауха славятся ремеслами и «весьма хорошие делают ружья» [4, с. 243]. Высокое качество местного оружия отмечала и специалист по истории оружия на Кавказе Э.Г. Асватурян. К примеру, в селе Шир-Юрт особой известностью пользовалось семейство мастера Кадыра (сер. XIX в.), работавшего с тремя сыновьями [21, с. 154-155].

В заключение отметим, что ауховцы, расселившись на равнинных землях одними из первых чеченских обществ, получили важные преимущества. Выращивая высокопродуктивные зерновые культуры и занимаясь скотоводством, они быстро росли численно, причем как за счет рождаемости, так и за счет переселения в регион горцев из других тайпов.

Литература и источники

1. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI - 30-е годы XVII века). - М.: Изд-во АН СССР, 1963.
2. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое и этнографическое описание Кавказа. - М.: Изд. Надыршин. 2010.
3. Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. - Т. 10. - 1886.
4. Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы. М.: Издательство восточной литературы, 1958.
5. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. II. Вып. 1. - СПб., 1887.
6. Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Вып. XI. - Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1975.
7. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горах. Вып. VI. 1872.
8. Берже А.П. Чечня и чеченцы. - Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1859.
9. Русско-чеченские отношения, вторая половина XVI-XVII в. Сборник документов / выявление, сост., введ., коммент. Е. Н. Кушевой; отв. ред. Н. Г. Волкова. - М.: Изд. «Восточная литература», 1997.
10. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т. 1. - М.: АН СССР. 1957.
11. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т. 2. - М.: АН СССР. 1957.
12. Ибрагимова З.Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. - М.: ПРОБЕЛ-2000, 2006.
13. Петухов Я. Из нагорного Кавказа // Кавказ. - 1866. - № 53.
14. Тотоев Ф.В. Общественный строй Чечни: вторая половина XVIII – 40-е годы XIX века. - Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009.
15. Арсаханов А.Б. Аккинский диалект в системе чеченского языка. - Грозный, 1958.
16. Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. - М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской лит., 2009.
17. Аталиков В.М. Кавказ. Европейские дневники XIII–XVIII веков. - Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010.
18. Народы Кавказа. Т.1. - М., 1960.
19. Асхабов И.А.-Р. Искусство оружейных мастеров // Культура Чечни. История и современные проблемы. Изд. 2-е. - М., 2006. - С.127-139.
20. Ибрагимова З.Х. Чеченские кустарные промыслы // Чеченская республика и чеченцы: история и современность. - М., 2006.
21. Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. - СПб.: ООО «Издательство „Атлант“», 2004.

References and Sources

1. Kusheva E.N. Narody Severnogo Kavkaza i ih svyazi s Rossiej (vtoraya polovina XVI - 30-e gody XVII veka). - M.: Izd-vo AN SSSR, 1963.
2. Blaramberg I. Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe i etnograficheskoe opisanie Kavkaza. - M.: Izd. Nadyrshin. 2010.
3. Volkonskij N.A. Vojna na Vostochnom Kavkaze s 1824 po 1834 g. v svyazi s myuridizmom // Kavkazskij sbornik. - T. 10. - 1886.
4. Buckovskij A.M. Vyderzhki iz opisaniya Kavkazskoj guberniya i sosednih gorskih oblastej. 1812 // Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII-XIX vv. Arhivnye materialy. M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1958.
5. Potto V.A. Kavkazskaya vojna v otdel'nyh ocherkah, epizodah, legendah i biografiyah. T. II. Vyp. 1. - SPb., 1887.
6. Ahmadov Ya.Z. Vajnahi v kumykskih knyazhestvah // Izvestiya Checheno-Ingushskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya. Vyp. XI. - Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975.
7. Laudaev U. Chechenskoe plemya // Sbornik svedenij o kavkazskih gorah. Vyp. VI. 1872.
8. Berzhe A.P. Chechnya i chechency. - Tiflis: Tip. gl. upr. Namestnika Kavk., 1859.
9. Russko-chechenskie otnosheniya, vtoraya polovina XVI-XVII v. Sbornik dokumentov / vyyavlenie, sost., vved., komment. E. N. Kushevoj; otv. red. N. G. Volkova. - M.: Izd. «Vostochnaya literatura», 1997.
10. Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv. T. 1. - M.: AN SSSR. 1957.
11. Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv. T. 2. - M.: AN SSSR. 1957.
12. Ibragimova Z.H. Chechenskij narod v Rossijskoj imperii: adaptacionnyj period. - M.: PROBEL-2000, 2006.
13. Petuhov Ya. Iz nagornogo Kavkaza // Kavkaz. - 1866. - № 53.
14. Totoev F.V. Obshchestvennyj stroj Chechni: vtoraya polovina XVIII – 40-e gody XIX veka. - Nal'chik: Respublikanskij poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 g., 2009.
15. Arsanov A.B. Akkinskij dialekt v sisteme chechenskogo yazyka. - Groznyj, 1958.
16. Ahmadov Ya.Z. Ocherk istoricheskoy geografi i etnopoliticheskogo razvitiya Chechni v XVI-XVIII vekah. - M.: Bлагotvoritel'nyj fond podderzhki chechenskoy lit., 2009.
17. Atalikov V.M. Kavkaz. Evropejskie dnevniky XIII–XVIII vekov. - Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh, 2010.
18. Narody Kavkaza. T.1. - M., 1960.
19. Askhabov I.A.-R. Iskusstvo oruzhejnyh masterov // Kul'tura Chechni. Istoriya i sovremennye problemy. Izd. 2-e. - M., 2006. - S.127-139.
20. Ibragimova Z.H. Chechenskie kustarnye promysly // Chechenskaya respublika i chechency: istoriya i sovremennost'. - M., 2006.
21. Astvacaturyan E.G. Oruzhie narodov Kavkaza. - Spb.: ООО «Izdatel'stvo „Atlant“», 2004.

ОВСЯННИКОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (d.ovsiannikov@spbu.ru).

ШАПОВАЛОВ С.Н.
К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ЗАКУБАНСКОМ ПОСЕЛЕНИИ В 1830-1840-Х ГГ.¹

Ключевые слова: Анапа, Анапское временное правление, водворение, Закубанское поселение, станица.

В статье рассматривается динамика численности населения в Закубанском поселении в 1830-1840-х гг. Причисленные к нему жители сначала водворялись в трех станицах, составлявших поселенческое ядро Закубанского поселения. Значительный приток переселенцев в рассматриваемый период привел к исчерпанию свободных мест для заселения в станицах. В результате в окрестностях станиц и укреплений появились временные поселки, которые обеспечивали перераспределение избыточного населения. Анализ базы данных населения и поселений позволил выделить постоянный рост численности населения и определенное запаздывание с основанием населенных пунктов.

SHAPOVALOV, S.N.
ON THE ISSUE OF POPULATION DYNAMICS IN THE ZAKUBAN SETTLEMENT IN THE 1830-1840S.

Key words: Anapa, Anapa temporary government, settlement, Trans-Kuban settlement, village.

The article examines the population dynamics in the Trans-Kuban settlement in the 1830-1840s. The residents assigned to it were first settled in three villages that made up the settlement core of the Trans-Kuban settlement. A significant influx of immigrants during the period under review led to the exhaustion of available places for settlement in the villages. As a result, temporary settlements appeared in the vicinity of the villages and fortifications, which ensured the redistribution of the surplus population. Analysis of the population and settlement database made it possible to highlight the constant growth of the population and a certain delay in the founding of settlements.

Заселение северо-восточного берега Черного моря началось практически сразу же после окончания Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Центром притяжения гражданских и военных лиц стала бывшая османская крепость Анапа, серьезно пострадавшая во время осады и штурма со стороны русских войск. В одном из отчетов Анапского временного правления (далее АВП) сохранилось описание одноименной крепости после ее передачи в состав Российской империи: «...строения, преимущественно с земляными крышами, но и те разбитые бомбами и ядрами, так были повреждены, что едва усиленными средствами казны и местным Гарнизонам могли быть поддержаны для временных жилищ...» [1, л. 4].

Как отмечают А.П. Скорик и И.М. Федина: «Вошедшая в состав Российской империи крепость получала недостаточное финансирование, как для размещения местного гарнизона и военного госпиталя, так и для... водворения сюда новых поселян» [2, с. 687]. Однако удручающее положение крепости Анапы не остановило высокое начальство от подготовки проектов по заселению северо-восточного берега Черного моря казачьим населением. В конце декабря 1829 г. по инициативе Главноуправляющего гражданской частью в Грузии, Астраханской губернии и Кавказской губернии графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского началась подготовка к переселению в крепость Анапу семей малороссийских казаков. Для размещения и обустройства на новом месте был создан Анапский строительный комитет (далее АСК), состоявший из коменданта, военных и гражданских чинов, способных к этому делу [3, л. 1].

Еще до появления на северо-восточном берегу Черного моря первых малороссийских казаков здесь уже происходило неорганизованное переселение, преимущественно, крестьянского населения, в том числе беглого, оставившего южные и центральные губернии империи. Исчерпывающее представление о Центральной России в первой половине XIX в. можно получить из публикации Е.М. Болтуновой [4]. По мнению американского исследователя фронтальных территорий Томаса Барретта, притягательность Анапы заключалась для крестьян в ложных слухах о даровании свободы при заселении этого края: «...В 1837 г. крестьяне особенно часто бежали в район Анапы, где было объявлено, что беглецам будет предоставлено убежище, они будут включены в ряды казачества, и согласно одному из вариантов, получают специальные документы,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-00330 «Заселение южных окраин Российской империи в XIX веке и проблемы землеустройства и межевания»; The study was funded by the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 22-28-00330 «Settlement of the southern outskirts of the Russian Empire in the 19th century and problems of land management and land surveying».